

Информация для цитирования:

Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 264–289. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-264-289.

Leskova Y. G., Zhukova Y. D., Pavlova K. P. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' chlenov organov upravleniya khozyaystvennykh obshchestv: tendentsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva i opyt zarubezhnykh stran* [Civil Liability of Members of Administrative Bodies of Business Entities: Tendencies in the Russian Legislation Development and Experience of Foreign Countries]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 40. Pp. 264–289. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-264-289.

УДК 347.721.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-264-289

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Ю. Г. Лескова

Доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой предпринимательского и корпоративного права Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 6
ORCID: 0000-003-3238-4654
ResearcherID: G-7931-2017
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).96-104
DOI: 10.1007/978-3-319-55257-6_34
E-mail: yuliyleskova@yandex.ru

К. П. Павлова

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правоповедения и практической юриспруденции Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 2
ORCID: 0000-0001-7541-7423
ResearcherID: D-5958-2018
E-mail: jurkspav@gmail.com

Ю. Д. Жукова

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0002-4455-1096
ResearcherID: L-5125-2015
E-mail: Julia-jukova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2017

Введение: в настоящем исследовании рассматриваются особенности института ответственности лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, обозначена специфика ответственности членов коллегиальных органов. Используется опыт правового регулирования в зарубежных странах для оценки корректности заимствования ряда применяемых в российском законодательстве правил, а также выявления ориентиров для дальнейшей возможной рецепции доказавших свою эффективность нормативных установок. **Цель:** выявить пробелы и проти-

воречия законодательства и судебного толкования, которые не позволяют эффективно применять правила об ответственности директоров, гарантировать баланс интересов корпорации, ее участников и самих директоров. **Методы:** общенаучные: сравнение, описание, системный анализ, интерпретация; частнонаучные: юридико-догматический, метод толкования правовых норм, метод анализа и обобщения законодательства и практики его применения. **Результаты:** выявляется несогласованность критериев установлению противоправности поведения директора и, как следствие, их недостаточность в существующем виде. Попытка частичного заимствования категорий, характеризующих обязанности руководителя, из англо-американского права, не является успешной ввиду искусственности критериев разграничения недобросовестности и неразумности в тексте постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Не решена проблема фактического поглощения вины директора противоправностью его поведения, что нивелирует нормативный принцип виновной ответственности. Требуется развития правила, закрепляющие основания по возложению ответственности на членов коллегиальных органов. **Выводы:** представляется необходимым концептуальный пересмотр критерия недобросовестного и неразумного поведения директора. Предлагается раскрывать ключевые обязанности директора посредством применения критерия заботливого отношения к делам. Требуется уточнить содержание такого критерия недобросовестности, как наличие конфликта интересов, определить соотношение данного критерия с критерием изначальной невыгодности сделки для общества. Необходима разработка критериев невиновности при нарушении обязанности действовать в интересах общества разумно и добросовестно.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; хозяйственное общество; органы управления; директор; добросовестность; интерес; разумность; противоправность; вина

CIVIL LIABILITY OF MEMBERS OF ADMINISTRATIVE BODIES OF BUSINESS ENTITIES: TENDENCIES IN THE RUSSIAN LEGISLATION DEVELOPMENT AND EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

Y. G. Leskova

Institute of Law and National Security
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
bld. 6, prospekt Vernadskogo 84, Moscow, 119571, Russia
ORCID: 0000-003-3238-4654
ResearcherID: G-7931-2017
Articles in "Scopus" / "Web of Science":
DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).96-104
DOI: 10.1007/978-3-319-55257-6_34
E-mail: yuliyaleskova@yandex.ru

K. P. Pavlova

Institute for Social Sciences of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
bld. 2, prospekt Vernadskogo 82, Moscow, 119571, Russia
ORCID: 0000-0001-7541-7423
ResearcherID: D-5958-2018
E-mail: jurkspav@gmail.com

Y. D. Zhukova

National Research University "Higher School of Economics"
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000
ORCID: 0000-0002-4455-1096
ResearcherID: L-5125-2015
E-mail: Julia-jukova@yandex.ru

Received 01.09.2017

Introduction: the research considers the peculiarities of the liability of a person exercising powers of the individual executive body of a business entity. It also shows the specific aspects of the liability of collegiate bodies' members. The experience of foreign countries is

used to evaluate the correctness of borrowing a number of rules that were introduced into the Russian legislation, and to determine the guidelines for further reception of the normative provisions that proved to be efficient. **Purpose:** to reveal the gaps and contradictions in the legislation and judicial interpretation that preclude efficient implementation of the directors' liability rules and balance among the interests of the corporation, its sharers and the directors themselves. **Methods:** general scientific methods: comparison, description, system analysis, interpretation; specific scientific methods: juridical dogmatic method, method of interpreting legal norms, method of analysis and generalization of the legislation and its application practice. **Results:** the study has revealed the inconsistency of criteria of the director's unlawful behavior; and as a result – their inferiority in the form they currently exist. An attempt to partially borrow categories that characterize the duties of the manager from the Anglo-American law is not successful due to the artificiality of the criteria distinguishing between the bad faith and irrationality given in the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013, No. 62 "On Some Issues of Compensation for Losses by Members of a Legal Person's Administrative Bodies". The problem of the actual absorption of the director's guilt by the unlawfulness of his behavior is not solved, which invalidates the normative principle of fault-based liability. The rules establishing the grounds for imposing liability on collegiate bodies' members are not sufficiently developed. **Conclusions:** we deem it necessary to conceptually review the criteria of the director's bad faith behavior and director's irrational behavior. It is proposed to define the director's key duties through applying the criteria of caring attitude to business. It is essential to introduce certainty into the content of such a bad faith criterion as the presence of conflict of interest, to determine the correlation of this criterion with the criterion of the initial unprofitableness of the deal for the company. It is also necessary to develop criteria of guiltlessness in case of breach of the duty to act in the interests of the company in reason and in good faith.

Keywords: civil liability; business entity; administrative bodies; director; good faith; interest; rationality; illegality; guilt

Введение

Активное развитие института гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ началось не столь давно, в течение длительного периода законодательные нормы об ответственности управляющих, содержащиеся в российском гражданском и корпоративном законодательстве, не подвергались масштабным изменениям и содержали предельно лаконичные формулировки, касающиеся обязанностей лиц, осуществляющих управление хозяйственным обществом, и оснований их ответственности. Импульсом к возобновлению масштабных дискуссий относительно существа обязанностей директоров по отношению к обществу стало принятие постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – постановление Пленума ВАС № 62)¹, затем определенный вклад в развитие научной дискуссии по этому

вопросу был внесен в рамках последовавшей реформы гражданского законодательства 2014 г. В вышеупомянутом постановлении Пленума было закреплено в наибольшей степени усиленное для истца бремя доказывания, установлены негативные критерии добросовестности и разумности, конкретизированы обстоятельства, снимающие гражданско-правовую ответственность с директора. Тем не менее, несмотря на подробную регламентацию вопросов гражданско-правовой ответственности, предлагаемые инструменты защиты имущественных интересов корпорации (хозяйственного общества) и ее участников далеко не всегда показывают свою эффективность. Ключевая проблема заключается в том, что основное внимание сосредоточено на выработке практических рекомендаций, необходимых для того, чтобы задать базовые ориентиры для судов при рассмотрении дел, однако при этом страдает теоретическая база, фундамент, который составляют оценочные понятия, такие как «добросовестность», «вина», «заботливость и осмотрительность», «разумный предпринимательский риск» и др. Без тщательного уяснения смыслового содержания этих категорий невозможно разработать полноценные критерии нарушения директором своих обязанностей.

¹ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Основы российского правового регулирования ответственности директора хозяйственного общества

Проблемам гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих управление коммерческими корпорациями, посвящено множество научных трудов ввиду масштабного поля для дискуссионных вопросов относительно, прежде всего, оснований ответственности за убытки, причиненные корпорации в результате ненадлежащего исполнения своих обязанностей членами ее органов управления по отношению к ней. Данные основания, несомненно, определяются прежде всего содержанием правовых обязанностей руководителя (директора) по отношению к организации, поскольку если обязанность официально не установлена, то ее невозможно нарушить.

Как справедливо отмечается в литературе, содержание обязанностей руководителя в самом общем виде состоит в выполнении управленческих функций внутри общества путем осуществления текущего руководства его деятельностью, в ведении его дел и в совершении от его имени и в его интересах сделок и иных юридических действий, во взаимодействии от его имени с третьими лицами [14, с. 53]. Конкретные обязанности для лица, являющегося руководителем, устанавливаются как на уровне закона, так и на уровне самой корпорации (могут быть закреплены во внутренних документах хозяйственного общества). При этом законом не установлена обязанность хозяйственного общества по регламентации обязанностей и пределов полномочий его руководителя и тот, соответственно, обладает определенной свободой усмотрения при принятии и организации исполнения решений по текущим вопросам, связанным с деятельностью хозяйственного общества. Разумеется, законодательство предусматривает подотчетность единоличного исполнительного органа общему собранию и совету директоров (п. 1 ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах¹»), однако нельзя не признать, что, тем не менее, он обладает самостоятельностью и его поведение, как активное, так и пассивное, может серьезно влиять на «судьбу» корпорации.

Управление корпорацией является одним из видов деятельности в пользу чужого интереса [3, с. 93], поэтому для лиц, осуществляющих такое управление, должны устанавливаться определенные обязанности, что могло бы обес-

печить соответствие управленческой деятельности интересу управляемого лица – хозяйственного общества. В соответствии с правилом, которое было закреплено прежней редакцией статьи 53 ГК РФ и длительное время существовало в неизменном виде, «лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Оно обязано по требованию учредителей (участников) юридического лица, если иное не предусмотрено законом или договором, возместить убытки, причиненные им юридическому лицу». Аналогично обязанность по возмещению убытков закреплена за соответствующими лицами и в недавно вступившей в силу новой редакции ГК РФ, в статье 53.1: «...лицо, которое в силу закона, иного правового акта или устава юридического лица уполномочено выступать от его имени (п. 3 ст. 53), обязано по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, возместить убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Указанное лицо отвечает, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску²». Помимо сказанного, в названной статье ГК РФ содержится правило о распространении ответственности также и на членов коллегиальных органов юридического лица, за исключением тех из них, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании. Ответственность, согласно пункту 4 указанной статьи ГК РФ, является солидарной при совместном причинении убытков.

Статья 71 ФЗ «Об акционерных обществах» в развитии норм ГК РФ устанавливает круг потенциально ответственных лиц: «...члены совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличный исполнительный орган общества (директор, генеральный директор), временный единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа

¹ Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 1.

² О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19, ст. 2304.

общества (правления, дирекции), а равно управляющая организация или управляющий при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должны действовать в интересах общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно. Члены совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличный исполнительный орган общества (директор, генеральный директор), временный единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), равно как и управляющая организация или управляющий, несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), если иные основания ответственности не установлены федеральными законами». Аналогичные нормы содержатся также и в статье 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Следует отметить, что приведенными нормами не исчерпываются возможности по привлечению к гражданско-правовой ответственности руководителя общества. Помимо общей ответственности за причиненные обществу убытки, руководитель может нести также и субсидиарную ответственность при несостоятельности (банкротстве) хозяйственного общества.

Серьезным шагом на пути к формированию общих правил для привлечения как собственно руководителя, так и иных лиц, осуществляющих управление организацией, к ответственности и установлению ее оснований стало постановление Пленума ВАС РФ № 62, призванное внести определенность в ряд вопросов, не урегулированных в достаточной степени на законодательном уровне. Однако немаловажно отметить, что и значительное количество правил, заложенных в названном постановлении, также являются предметом многочисленных дискуссий ввиду неоднозначного толкования.

Мы попытаемся осветить наиболее сложные вопросы, связанные с применением норм о гражданско-правовой ответственности директоров, с целью определения возможных путей оптимизации российского корпоративного законодательства. Проведенный анализ выявляет недостаточно полно урегулированные аспекты, связанные с установлением оснований для привлечения директора к гражданско-правовой ответственности, диверсификацией норм об указанной ответственности применительно к соответствующим категориям управляющих, обеспечением баланса правовых возможностей всех участников спора о возмещении директором убытков.

Требования, предъявляемые к управляющим: опыт зарубежных стран

Прежде всего рассмотрим, каким образом формулируются обязанности директоров в зарубежных правовых системах с развитой системой корпоративного права. Обращаясь к английской правовой доктрине, можно отметить, что в корпорации (компании) за всеми директорами закреплены особые фидуциарные обязанности, идентичные обязанностями доверительного управляющего. Совершение действий директором корпорации (компании) равносильно совершению действий непосредственным юридическим лицом. Вопрос о имуществе корпорации полностью переходит под юрисдикцию директора, и если доверительный управляющий фокусируется на обеспечении полной сохранности имущества, то основным ориентиром для директора служит обеспечение предпринимательской деятельности компании, относящейся к рискованным [25, p. 83–84; 26, p. 89].

Статьи 171–177 Закона о компаниях (Companies Act 2006)¹ устанавливают следующие обязанности для директора:

1) обязанность действовать в пределах своих полномочий, т. е. действовать в соответствии с уставом компании и использовать свои полномочия только для достижения тех целей, которые поставлены перед директорами компании;

2) обязанность содействовать успеху компании, т. е. при принятии решений учитывать интересы акционеров и сотрудников компании, поставщиков и потребителей, рассматривать последствия своих решений в долгосрочной перспективе, их влияние на окружающую среду и местные сообщества, а также поддерживать репутацию высоких стандартов ведения бизнеса [22, p. 28];

3) обязанность руководствоваться «независимым суждением», предполагающая активность директора в части высказывания своего мнения по рассматриваемым вопросам, а также отсутствие влияния третьих лиц на его мнение;

4) обязанность проявлять разумное усердие, профессионализм и осмотрительность – согласно данным принципам директор обязан действовать как разумно осторожный человек, обладающий общими знаниями, профессиональными умениями и опытом, которых можно с полным основанием ожидать от человека, выполняющего функции директора компании;

5) обязанность избегать конфликтов интересов, т. е. ситуаций, когда он имеет или может

¹ Companies Act, 2006. URL: http://ec.europa.eu/internal_market/auditing/docs/dir/transpo/uk17.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

иметь прямые или косвенные интересы, которые вступают в конфликт с интересами компании;

6) обязанность не принимать блага и поощрения от третьих лиц, если таковые ему передаются в связи с тем, что он является директором, действует или бездействует в качестве директора;

7) обязанность заявлять о своем интересе в предполагаемой сделке или соглашении. Такое заявление о заинтересованности должно быть сделано до того, как компания совершит сделку или заключит соглашение.

Указанные обязанности директоров являются основными. Директора всех компаний наделены множеством других особых обязанностей, будь то в соответствии с законодательством о здравоохранении и безопасности, законодательством о правах работников, законами о взяточничестве, законами о преступной халатности руководителя компании, законами о несостоятельности, а также в соответствии с Правилами листинга, Правилами AIM, DTR, Законом 2006 года и др. [30].

Стандартные модели США по отношению к действиям директора в интересах компании в основном раскрываются через обязанность действовать добросовестно (*The Duty of Good Faith*), обязанность соблюдать лояльность (*The Duty of Loyalty*) и обязанность соблюдать разумность и осторожность (*The Duty of Care*). Наибольшее развитие нормы о данных обязанностях получили в штате Делавэр.

Директора, как доверенные лица, должны исполнять свои обязанности в отношении своей корпорации и ее акционеров исключительно в интересах корпорации и при регламентации дел корпорации с присущей осторожностью (осмотрительностью) лица, управляющим собственным бизнесом [31, р. 37].

На основании *обязанности соблюдения лояльности* действия директоров должны быть направлены к исключительной цели, которой является обеспечение интересов компании. Повседневный деловой оборот богат ситуациями в части лояльности директоров и одновременного уклонения от принятия решений совета, из-за чего повышается риск конфликта интересов, который рано или поздно коснется данного директора, поэтому ему, директору, следует удостовериться в персональном наличии или отсутствии «заинтересованности» или зависимости от решения, чтобы установить наличие аспектов, вызывающих у суда сомнение относительно беспристрастности директора. В случае «заинтересованности» или зависимости директор обязан поставить совет в известность относительно наличия конфликта и рассмотреть отказ

от участия в обсуждении конкретного решения совета.

Обязанность действовать добросовестно активно разрабатывается законодательством штата Делавэр. Подразумевается, что умышленное пренебрежение своими обязанностями противоречит требованию действовать добросовестно [31, р. 38]. Что интересно, понятие добросовестности тщательно не разработано и в других странах англо-американского права. Так, например, в Канаде суды определяют нарушение обязанности действовать добросовестно через принятие директорами решения в личных интересах. Английские суды понимают недобросовестность как сознательное намерение ухода от обязанности директора действовать в интересах компании.

Обязанность соблюдения интересов корпорации подразумевает такое же внимание директоров, которое присуще человеку при ведении собственного бизнеса, с должной осторожностью и осмотрительностью. Эту обязанность практически невозможно рассматривать в рамках одного сценария, однако в его основе лежат: уделение директором подобающего количества времени, необходимого с учетом значимости данного решения для компании; владение документальным подтверждением о изучении предоставленной информации и распоряжением необходимого количества времени, чтобы оценить возможности и принять оптимальное решение; скрупулезный анализ вклада советом привлеченных советников или экспертов для ознакомления с альтернативными вариантами. Собранные данные консультантов и руководящих лиц компании вкупе с внешними консультантами и экспертами (при наличии недоверия директоров к полученным рекомендациям) напрямую сказываются на принятии решений директорами. Тем не менее директорам не следует «слепо» воспринимать полученную информацию – необходимо вести дискуссию с ее представителями, задавая вопросы и делая соответствующие заключения.

Прецедентное право создало особый механизм для того, чтобы обезопасить директоров от необоснованных исков. Суды США руководствуются глобальным правилом, по которому они не признают ответственность директоров за принятие корпоративных решений, принимая в качестве исключения лишь полную неразумность подобных решений. Обозначенное судебное невмешательство получило известность как «правило делового решения», устанавливающего действия директоров с опорой на исчерпывающую информацию, добросовестность и интересы общества, если не доказано обратное.

Аналогом «правила делового решения» в российском праве является категория разумного предпринимательского риска. Изначально в постановлении Пленума ВАС РФ № 62 указывалось, что директор может быть «освобожден от ответственности», если действовал в пределах обычного предпринимательского риска, т. е. так называемую экономическую целесообразность суды не обязаны и не должны проверять, если нет явных признаков недобросовестности и неразумности действий директора. Между тем российская судебная практика не учла опыт, в частности, США и Германии, что «правило делового решения» может работать только в сфере так называемой «разумности». Защита потенциально недобросовестных решений изначально невозможна. На недобросовестность решения должно указывать отсутствие разумной хозяйственной цели или принятие решения при наличии злоупотребления полномочиями или факторов мошенничества [23, р. 333].

Согласно судебной практике штата Делавэр правилом защиты деловых решений могут воспользоваться лишь незаинтересованные директора, поведение которых по всем остальным параметрам вполне отвечает «правилу делового решения». Если рассматривать это с позиции заинтересованности, то получается, что директора никогда не принимали ни одну из сторон сделки и не намереваются получить определенные личные преимущества из обозначенной сделки, оперируя служебным положением в личных целях, чего нельзя сказать об обычных преимуществах, которыми пользуется корпорациями или акционеры.

В германском корпоративном праве руководители компаний должны соблюдать базовые принципы надлежащего поведения: добросовестность, компетентное служение долгу и тщательность ведения дел. В рамках корпоративного права под добросовестностью подразумевается соответствующее отношение к службе Руководителя GmbH (аналог единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью в РФ), которое подобает Обществу, кредиторам, немецкому обществу в принципе и непосредственному Руководителю. Фундамент правоотношений Участников GmbH, кредиторов и иных заинтересованных лиц базируется на вере в должное поведение руководителя, чье правосознание не позволяет действовать вопреки ожиданиям третьих лиц и деструктивно влиять на сложившийся правопорядок [6, с. 74].

Что касается квалификации директора, отметим, что корпоративная практика Германии выводит строгие требования по отношению к его

компетенции и профессиональной пригодности: на должность Руководителя GmbH назначается исключительно лицо, которое обладает необходимой профессиональной квалификацией в конкретной сфере деятельности общества, умеет автономно реализовывать права и обязанности руководителя, вести дела общества, за счет чего будет обеспечиваться принятие и исполнение им договорных обязательств и публично-правовых обязанностей GmbH [24, pp. 147–148].

Разумно предположить, что конкретные квалификационные требования к директорам хозяйственных обществ необходимо предусмотреть в отечественном законодательстве, поскольку ответственность за выбор настоящего профессионала, по сути, лежит на участниках компании. Вместе с тем для российского бизнеса характерно принимать на управленческие должности непосредственно участников корпорации, что затрудняет потенциальное внедрение правил о надлежащей квалификации менеджеров. На данный момент гражданское законодательство РФ знает лишь требование статуса индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации для товарищества, где участие и менеджмент «соединены» в одном лице.

Круг лиц, в интересах которых закреплены обязанности директоров: нормативный и фактический состав заинтересованных лиц

Одной из ключевых функций гражданско-правовой ответственности членов органов управления является защита юридически значимых интересов самого общества и, в конечном итоге, его акционеров (участников), которые заключаются в первую очередь в успешной коммерческой деятельности, равно как и в недопущении убытков. Убытки, в свою очередь, потенциально могут привести к банкротству, поэтому немаловажно в составе охраняемых интересов коммерческой корпорации выделять интерес в финансовой стабильности, иными словами – в отсутствии финансовых проблем, которые могут создать угрозу для его дальнейшей деятельности.

Постановление Пленума ВАС № 62 устанавливает, что при определении интересов юридического лица следует, в частности, учитывать, что «основной целью деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли» (абз. 4 п. 2). «Необходимо также принимать во внимание соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т. п.). Директор не может быть признан дей-

ствовавшим в интересах юридического лица, если он действовал в интересах одного или нескольких его участников, но в ущерб самому юридическому лицу».

Несмотря на эти уточнения, такая оценочная категория, как интерес юридического лица, до сих пор является камнем преткновения для судов. Следует отметить недостаточную развитость российского законодательства в части надлежащего учета интересов иных лиц, помимо собственно организации. Известно, что в континентальном праве для обеспечения долгосрочного коммерческого успеха общества также необходимо учитывать интересы заинтересованных лиц (работников, контрагентов, государства и т. д.), причем данная тенденция проникла и в страны англо-американской правовой семьи.

Важный аргумент против включения положений о группах влияния в корпоративное право состоит в том, что законодательство уже и так достаточно либерально, поскольку предоставляет директорам широкие полномочия, чтобы принимать во внимание интересы стейкхолдеров. Между тем Шелдон Лидер считает, что если трактовать компанию как автономное юридическое лицо, отдельное от его членов, а также прочих групп влияния, то вполне вероятно, что юридическая концепция компании совпадает с концепцией групп влияния [19, р. 85–86]. У компании (корпорации) существуют интересы, не зависящие от любой отдельно взятой связанной с ней группой лиц, включая акционеров. Таким образом, роль менеджеров и директоров состоит в том, чтобы регулировать постоянно меняющуюся расстановку интересов.

Шелли Д. Маршалл, Йен Рэмзи на примере изучения австралийского корпоративного права отмечают, что, несмотря на то, что данный вопрос подробно не поднимался ни в решениях судов, ни в литературе, посвященной обязанностям директоров, взгляды на то, до какой степени директора должны учитывать интересы групп влияния, изменились [27, р. 9]. Отмечается, что директора должны учитывать такие аспекты как общественные интересы, окружающая среда, социальное обеспечение население и благотворительность только в том случае, если они служат на пользу акционеров [25, р. 164, 187].

Таким образом, исследователи выделяют три важных вопроса. Во-первых, существуют ли какие-либо обстоятельства, когда директора могут учитывать интересы стейкхолдеров – неакционеров и при этом акционеры не получают прибыли? Во-вторых, существуют ли какие-либо обстоятельства, когда директора обязаны учитывать интересы стейкхолдеров-неакционе-

ров? В-третьих, существуют ли какие-либо обстоятельства, когда интересы стейкхолдеров-неакционеров получают приоритет над интересами акционеров? Эти вопросы имеют прямое отношение только к обязанности директоров действовать в интересах компании. Могут быть и другие вытекающие из закона обязательства, которые требуют от директоров учитывать интересы конкретной группы влияния.

В первую очередь примем как общее утверждение, что действия в интересах компании обычно означают действия в интересах акционеров (участников) как единого целого. Директора могут, но не обязаны учитывать интересы стейкхолдеров-неакционеров, а если они это делают, то обязаны учитывать выгоду для акционеров. Однако, как известно, в ситуации банкротства хозяйственного общества директора обязаны учитывать интересы прежде всего кредиторов. Более того, единственная ситуация, в которой суд четко постановил, что директора могут поставить интересы стейкхолдеров-неакционеров выше интересов акционеров, это ситуация, когда компания несостоятельна или близка к этому либо некая запланированная транзакция угрожает состоятельности компании [27, р. 11].

Статья 181 австралийского Закона о корпорациях (Corporations Act 2001¹) обязывает директоров и других руководителей корпорации осуществлять свои полномочия и отправлять свои обязанности «добросовестно и в наилучших интересах компании», а также «во имя благих целей». Кроме того, они должны действовать добросовестно, директора обязаны соответствовать требованию «действовать в наилучших интересах компании». Предъявляя это требование, суды считают, что определять наилучшие интересы компании входит в обязанности директоров.

Митчелл, О’Доннелл и Рэмзи доказывают, что даже если допустить, что интересы компании в основном совпадают с интересами акционеров, обязанности директоров сформулированы не очень четко, что дает им достаточную свободу действий для учета интересов сотрудников и других групп влияния. Эти авторы придерживаются следующих взглядов на обязанности директоров: «Возможно, что когда директора учитывают долгосрочное благосостояние акционеров, это в интересах последних, поскольку учитываются как их нынешние, так и их будущие потребности. Точно также, хотя выгода акционеров как *цель* очень важна, директора

¹ Corporations Act 2001. URL: http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdb/au/legis/cth/consol_act/ca2001172/ (дата обращения: 17.01.2018).

должны с осторожностью выбирать *средства* для ее достижения. То есть долгосрочная максимизация выгоды для акционеров не должна достигаться путем максимизации краткосрочной прибыли, если это приводит к недовольству поставщиков, антагонизму сотрудников и гневу общественности. Напротив, выгода для акционеров может потребовать некоторой щедрости в отношении других групп влияния. И наконец, обязанность защищать интересы акционеров в значительной степени основана на мотивации директора и его мнении о том, что есть «наилучшие интересы компании», а не только оценкой полученной прибыли. Это дает директорам значительную свободу действий, поскольку суды редко вмешиваются в процесс принятия решений советами директоров или редко находят убедительные доказательства того, что директор, принимая решение, не считал его служащим наилучшим интересам компании» [21, р. 417].

Судебная практика Германии, как правило, не определяет интерес компании как таковой, но также ссылается на обязанность директоров учитывать интересы акционеров, работников и иных заинтересованных лиц [29, р. 159].

Таким образом, современные нормотворческие тенденции заставляют взглянуть на интерес юридического лица под другим, новым, углом, раскрывающим «сценарий», который основан на избранных столпах корпоративного управления, когда директора сосредоточены исключительно на интересах компании (корпорации), принимая во внимание аналогичные интересы акционеров и других сторон, имеющих прямое отношение к успешной деятельности общества. Последние подразумевают таких стейкхолдеров, как общественное население, различные поставщики продукции, контролирующие организации, анализирующие сферы, попадающие под влияние деятельности определенной фирмы, представители власти, государство и др. Компания, которая разделяет интересы обозначенных выше стейкхолдеров и акционеров, находится в более выигрышном положении, поскольку каждая ячейка конструкции, олицетворяющей целую компанию, получает должное внимание и не проявляет оппозиционных настроений, губительно сказывающихся на общей деятельности. В связи с вышесказанным, необходимо расширить обязанности директоров и, возможно, компаниям стоит вводить представителей заинтересованных групп в состав органов управления.

Опыт зарубежных стран, таким образом, выявляет потенциальную необходимость учета комплексного состава лиц, заинтересованных в

успешной и стабильной деятельности корпорации, однако приходится признать, что развитие действующего российского законодательства в части нормативного расширения круга лиц, в интересах которых обязан действовать директор, в настоящий момент чрезвычайно затруднительно, если не сказать – невозможно. Закрепление фактически неопределенного круга лиц с юридически значимыми интересами, обязательными для соблюдения руководителем, означало бы размывание пределов его ответственности. Как минимум, исходя из принципа «невозможно угодить всем» руководитель так или иначе не в состоянии будет удовлетворить чей-либо интерес, что, в случае вменения этого ему в обязанность, будет означать его нарушение. В силу этих причин закрепляется четкий приоритет интересов именно и только юридического лица, удовлетворение же интересов всех остальных возможно постольку, поскольку они совпадают с интересами последнего. В противном случае такой интерес будет являться противоречащим интересу общества и любые действия руководителя – действиями вопреки интересам общества.

Требование соблюдать интересы кредиторов в преддверии банкротства является, пожалуй, единственным случаем, когда от руководства корпорации требуется большее, нежели соблюдение интересов самого юридического лица. Следует отметить, что впервые напрямую данная обязанность была закреплена лишь в 2017 году: в статью 30 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)¹», посвященную мерам по предупреждению банкротства в досудебном порядке была внесена поправка², в результате которой абзац 2 пункта 1 сформулирован следующим образом: «Руководитель должника и иные его органы, а также учредители (участники) должника, собственник имущества должника – унитарного предприятия и иные контролирующие должника лица со дня, когда они узнали или должны были узнать о наличии указанных обстоятельств, обязаны действовать с учетом интересов кредиторов, в частности не допускать действия (бездействия), которые могут заведомо ухудшить финансовое положение должника». Законодатель, таким образом, признает, что ухудшение состояния юри-

¹ *О несостоятельности (банкротстве)*: Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

² *О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях*: Федер. закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4815.

дического лица нарушает в том числе интересы кредиторов, которые являются фактически «центральными» субъектами, чей интерес становится во главу угла в случае возбуждения производства по делу о банкротстве. Ранее такая обязанность прямо не была закреплена, однако из норм, посвященных основаниям привлечения к субсидиарной ответственности (ранее – статья 10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ныне утратившая силу в связи с введением главы III.2, посвященной ответственности целиком), а также положений об оспаривании сделок, совершенных в предбанкротный период (глава III.1 ФЗ «О банкротстве (несостоятельности)», так или иначе явствовало, что в интересах кредиторов в процессе банкротства при необходимости изыскать дополнительные средства для пополнения конкурсной массы значительное внимание предписано уделять действиям, совершаемым органами управления должника накануне банкротства. Иными словами, фактически за нарушение интересов кредиторов путем усугубления финансового состояния должника к руководителю могут быть применены меры гражданско-правовой ответственности. Разумеется, по сути, речь неизбежно идет об изначальном ущемлении интереса должника (уменьшении его имущества), однако лицами, в интересах которых применяются указанные меры, являются в данном случае именно кредиторы.

**Противоправное поведение
директора в отношении общества:
проблема выработки критериев**

Одним из наиболее актуальных вопросов, связанных с привлечением к гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственного общества за причинение последнему убытков, является вопрос о квалификации его действий (бездействия) по отношению к хозяйственному обществу в качестве противоправных. Первоначальной задачей при решении вопроса об ответственности руководителя за убытки, причиненные хозяйственному обществу, состоит в отграничении ситуаций, в которых убытки причинены при отсутствии каких-либо противоправных действий (бездействий) со стороны руководителя, от случаев такого причинения именно в результате его противоправного поведения.

Разработка адекватных критериев, дающих основание считать поведение управляющего противоправным, является весьма сложной задачей, и нельзя сказать, что на современном этапе развития российского законодательства в части регулирования ответственности директоров удалось достигнуть стабильности и опреде-

ленности по вопросу содержания данных критериев. Одной из основных причин сложности построения такой системы критериев является оценочность практически каждого понятия, характеризующего поведение директора как противоправное. В силу этих же причин противоправность его действий зачастую смешивается с виной, что свидетельствует о недостаточной теоретической проработке вопроса об основаниях ответственности руководителя в российской науке.

Как известно, противоправным является такое поведение, которое нарушает императивные нормы права либо санкционированные законом условия договоров, в том числе и прямо не предусмотренные правом, но не противоречащие общим началам и смыслу гражданского законодательства [12, с. 440–441]. Неправомерное поведение директора, как справедливо утверждают исследователи, может выражаться как в виде действий, так и в виде бездействия: «Действия управляющих могут быть довольно многообразны – это и голосование членом совета директоров по вопросам, входящим в повестку дня заседания совета директоров, и принятие решения генеральным директором акционерного общества. Противоправное поведение лиц, осуществляющих управление акционерным обществом, может быть выражено и в виде бездействия. При этом бездействие становится противоправным лишь в том случае, если на лицо возложена юридическая обязанность действовать в соответствующей ситуации» [11, с. 81].

Именно о нарушении возложенных законом позитивных обязанностей принято говорить, когда речь идет о возмещении убытков хозяйственному обществу, причиненных лицами, осуществляющими управление им, в результате совершения сделки или принятия какого-либо решения, негативно сказавшегося в дальнейшем на финансовом положении общества. Противоправность поведения управляющего в рамках корпоративных правоотношений, как неоднократно подчеркивалось в литературе [13, с. 80], заключается в нарушении членом органа управления обязанности действовать в интересах хозяйственного общества добросовестно и разумно. Как отмечает А. А. Маковская, и в ГК РФ, и в ФЗ «Об акционерных обществах» в понятиях «добросовестное и разумное поведение» и «действия в интересах юридического лица» раскрывается, что есть надлежащее исполнение руководителем юридического лица его обязанностей перед этим лицом [9, с. 11].

В свою очередь, в отсутствие этих составляющих совершение сделки является правомерным юридическим действием при условии от-

сутствия иных формальных нарушений закона. Если же иные формальные нарушения закона имеются, то действия руководителя не требуют дополнительной квалификации как недобросовестные, неразумные или совершенные не в интересах общества. При отождествлении разумности и добросовестности с любыми противоправными деяниями само использование этих категорий теряет смысл. Более того, действия, являющиеся объективно неправомерными (например, перевод денежных средств юридического лица без юридического основания, самовольное принятие решения с превышением полномочий), не требуют оценки на предмет добросовестности и разумности в принципе. В такой оценке нуждаются только те действия, которые формально («внешне») являются правомерными: совершение сделки от имени общества, принятие финансово значимого решения в пределах своей компетенции.

Как мы уже имели возможность убедиться, законодатель только закладывает базовые характеристики правомерного поведения руководителя, но не раскрывает их содержания, в то время как сами категории «разумность» и «добросовестность» носят оценочный характер и подвержены субъективному толкованию со стороны судов, рассматривающих конкретные споры о возмещении обществу убытков. Что же касается положений, закрепленных в постановлении Пленума ВАС № 62, то как таковые позитивные критерии добросовестного и разумного поведения управляющих фактически не зафиксированы: предложена система критериев именно нарушения данных обязанностей (п. 2, 3), но не критерии их соблюдения. Тем не менее в пункте 4 указанного постановления в общем виде сформулировано так называемое «позитивное» определение разумности и добросовестности, проявление которых выражается в «*принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством*». Таким образом, ключевым содержательным компонентом в данном определении является принятие всех необходимых и достаточных мер и направленность на достижение целей организации. Критерии определения достаточности мер в настоящий момент остаются под вопросом: на наш взгляд, имеется вероятность дальнейшего разделения мнений судов в вопросе о том, идет ли речь о минимально достаточных мерах или же о максимуме приложенных усилий, в частности, для заключения выгодной для общества

сделки. Например, относится ли оценка имущества, являющегося предметом сделки, к достаточным мерам? Российским законодательством установлены случаи, когда оценка является обязательной, но приравнивается ли формальная обязательность к необходимости? Следует признать, что в отношении критериев как достаточности, так и необходимости довольно затруднительно выработать общее правило. Поэтому вопрос о данных критериях по-прежнему носят дискуссионный характер.

Далее, применительно к каждому компоненту – как добросовестности, так и разумности – сформулированы также самостоятельные негативные критерии: что следует считать *неразумным* или *недобросовестным* поведением. Данные критерии носят более детализированный характер. Так, к критериям недобросовестности относятся:

- действия при наличии нераскрытого конфликта интересов;
- сокрытие либо искажение информации о сделке;
- совершение сделки без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица;
- уклонение от передачи документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица, после прекращения директором полномочий;
- заведомое знание (или незнание в условиях обязанности знать) о том, что сделка не соответствует интересам юридического лица (в частности, совершение сделки на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом).

К критериям неразумности, согласно тексту постановления Пленума ВАС № 62, относятся:

- принятие решения без учета необходимой информации;
- непринятие мер для получения необходимой информации, если в данной ситуации разумно было бы отложить принятие решения до ее получения;
- совершение сделки без соблюдения обычно требующихся или принятых в организации внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и др.).

Следует отметить, что представляется затруднительным при анализе рассматриваемых критериев сделать вывод о наличии четкого основания для их обособления друг от друга. Так, например, критерий обладания необходимой информацией однозначно отнесен к немногочисленным критериям неразумности. Между тем возможность жесткого отграничения разумно-

сти от добросовестности на основании данного критерия – выделения обязанности по принятию решений на основе полной информации – не представляется очевидной. Если директор пренебрегает обязанностью собирать и анализировать информацию, не уделяет изучению относящейся к делу информации достаточно времени, то разве нельзя назвать его поведение недобросовестным? Считаем данный вопрос недостаточно проработанным, поскольку предложенные критерии характеризуют действия директора не просто как недальновидные или опрометчивые; с той же уверенностью исходя из содержания изложенных критериев его действия можно охарактеризовать как пренебрежение, халатное отношение к своим обязанностям, т. е. как недостаточность старательности и прилагаемых усилий, что уже говорит о недобросовестности. В ряде ситуаций поведение директора можно оправдать с точки зрения добросовестности в том случае, если выгодность сделки определялась скоростью ее совершения и отсутствовало время на подробный анализ всех возможных альтернативных вариантов: а в данном случае речь идет о риске, на который, принимая во внимание статус коммерческой организации, руководитель неизбежно идет, однако здесь разумность его действий будет зависеть от правильной оценки риска, в том числе относительно сопоставления выгод от заключения сделки с возможными издержками, являющимися следствием опрометчивости в принятии решения. Но даже если в данной ситуации руководитель действует добросовестно, стремясь преумножить выгоду корпорации за счет совершения сделки с определенной долей риска, это не будет иметь правового значения, если будет установлена неразумность (та самая опрометчивость, переоценка своих возможностей, полагание на неполную информацию), поскольку одного фактора неразумности достаточно для привлечения к ответственности.

Разумеется, полнота информации для принятия решения директором является весьма условным показателем, более того, в большинстве случаев он может являться субъективным моментом. Поэтому оцениваться должна не полнота имеющейся информации, а принятые директором меры для ее получения. Согласно формулировке подп. 2 п. 3 постановления Пленума ВАС № 62, должны быть предприняты действия, направленные на получение необходимой и достаточной для принятия решения информации, «которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы

принятие решения до получения дополнительной информации». Равнять поведение конкретного управляющего на потенциальные действия абстрактного добросовестного / разумного руководителя принято и в зарубежных правовых порядках, так, в частности, исследователи правовых обязанностей директора по отношению к организации в Германии указывают, что информационная подготовка директора в конкретной ситуации будет базироваться на сравнении с действиями стандартного руководителя компании аналогичного рода деятельности и экономического положения [20, р. 18].

Понятие «the diligence of a prudent businessman» (заботливость благоразумного коммерсанта) является неким эталоном, по отношению к которому измеряются предпринятые конкретным директором усилия¹. Согласно требованиям, устанавливаемым к надлежащему управлению компанией в Германии, директор должен обладать необходимыми знаниями и опытом, если же его собственных знаний и опыта не хватает для решения важного вопроса, ему следует заручиться компетентным мнением эксперта на стороне. В случае же обладания директором достаточными специальными знаниями он должен использовать их в полном объеме в течение всего периода осуществления руководства компанией [17, р. 10]. Более того, наличие у директора специальных знаний повышает «планку», стандарт той самой обязанности проявлять должную заботливость (*duty of care*) [28, pp. 119, 122].

Исходя из выше изложенного считаем, что понятие *duty of care*, заложенное в ряде зарубежных правовых порядков, так или иначе нашедшее отражение в установленных российским законодателям требований разумности и добросовестности, *не* совпадает в полной мере ни с понятием разумности, ни с понятием добросовестности, что очевидно на примере обязанности обладания достаточной информацией. Критерий «старательности» по своей сути ассоциируется в большей степени с добросовестным поведением, в то время как зарубежное право различает *duty of care* и *duty of good faith*. При помощи категории разумности логичнее характеризовать характер самих действий директора (их качество и результат), нежели его отношение, подход к осуществлению своих управленческих полномочий. Если российский законодатель стремится опираться на зарубежный стандарт *duty of care* при формулировании обязанностей директора, то не только закон, но и за

¹ Aktiengesetz. 06.09.1965. § 93(1). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/> (дата обращения: 17.01.2018).

ложенные судебной практикой критерии нуждаются в переработке. В противном случае компонент заботливости «теряется» между характеристиками разумности и добросовестности, что косвенно подтверждает и приведенное выше «позитивное» определение «добросовестности и разумности» в едином целом как «принятие необходимых и достаточных мер», согласно пункту 4 постановления Пленума ВАС № 62. Полагаем, что требование заботливости должно быть сформулировано и раскрыто отдельно, без искусственного деления признаков, характеризующих его, на проявления неразумности и недобросовестности.

Наличие конфликта интересов как критерий недобросовестности

Вызывают определенные вопросы также и иные критерии недобросовестности, изложенные в постановлении Пленума ВАС № 62, в частности в подп. 1 пункта 2, согласно которому недобросовестность директора считается доказанной, если он «действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке». Факт участия директора в конфликте интересов и квалификация его действий как недобросовестных – вопрос достаточно противоречивый, учитывая неопределенность как законодательства, так и судебных разъяснений в этой области.

Таким образом, действующим российским законодательством закреплена обязанность руководителя действовать разумно и добросовестно *в интересах общества*. Нередко в литературе возникает вопрос: могут ли в принципе действия *не* в интересах общества быть добросовестными [1, с. 3]? На этот вопрос, как мы полагаем, можно ответить утвердительно, поскольку рассмотренные выше действия, подпадающие под критерий неразумных (нерациональные, поспешные, недостаточно продуманные), могут совершаться с соблюдением требований добросовестности (при отсутствии скрываемого конфликта интересов или сокрытия обстоятельств совершения самой сделки, без нарушения требования по надлежащему одобрению, в целях извлечения максимальной выгоды для общества) и быть направлены на положительный результат, однако ввиду упущения тех самых кри-

тических аспектов, которые разумно было бы учесть перед ее совершением, сделка оказывается убыточной и потому *в итоге* действия руководителя не соответствуют интересам общества. Таким образом, возникает вопрос: что именно охватывает понятие «действия в интересах общества» – направленность действий или их фактический результат?

Разумеется, следует понимать, что противоречивость действий в интересах общества не отвечает понятию «действия в рамках конфликта интересов» ввиду того, что конфликт интересов – это лишь предпосылка для возможного негативного развития событий (реализацией директором своего собственного либо чужого интереса, не совпадающего с интересом общества). Формальные критерии присутствия в конфликте интересов официально не установлены применительно к ситуации привлечения к ответственности директора, и, вероятно, предлагается и дальше ориентироваться на критерии заинтересованности в совершении сделки, установленные в соответствующих законах (ст. 81 ФЗ «Об акционерных обществах», ст. 45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Критерии эти, по сути, преимущественно сводятся к наличию управленческих, родственных или имущественных связей. Очевидно, что наличие таких связей никак не может в полной мере напрямую свидетельствовать о недобросовестности руководителя. Однако п. 2 постановления Пленума ВАС № 62 гласит, что в такой ситуации недобросовестность считается именно *доказанной*.

Опыт английской судебной системы показал, что во избежание обхода закона недобросовестными директорами при планировании сделки можно специально не давать развернутое определение «конфликта интересов» ради вариативности толкования данного понятия. При определении сделок с конфликтом интересов можно опираться на судебные прецеденты, поскольку факт наличия конфликта интересов подтверждает любой аспект (чаще всего денежный), стимулирующий директора или должностное лицо действовать в личных интересах и с собственной выгодой за счет общества. Так, в деле *Aberdeen Railway Co v Blaikie Brothers* была высказана мысль о том, что имеющим фидуциарные обязанности лицам следует запретить заключать сделки, подразумевающие личный интерес обозначенных лиц, который чреват конфликтом или напрямую противоречит интересам защищаемой стороны. Зачастую правила одобрения сделок дополняются положениями уставов компаний [18, p. 303].

Применительно к российским реалиям едва ли можно говорить о сформировавшейся почве для внедрения именно запрета на совершение сделок с потенциальным конфликтом интересов. Действующее российское законодательство предусматривает обязанность по сообщению обществу сведений, в том числе об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в которых они могут быть признаны заинтересованными лицами (п. 1 ст. 82 ФЗ «Об акционерных обществах»). Очевидно, что несообщение хозяйственному обществу о наличии формальных признаков своей заинтересованности в совершении той или иной сделки является нарушением со стороны директора. Однако означает ли этот факт непосредственный отход от требования действовать в интересах общества при совершении такой сделки? Представляется, что нет, однако приведенная формулировка заложенного в постановлении Пленума ВАС № 62 правила позволяет предположить, что такие обстоятельства, как фактическое соблюдение директором интересов общества при совершении сделки и ее изначальная выгода на момент совершения (допустим, сделка стала невыгодной уже на стадии исполнения, когда контрагент нарушил обязательство по оплате) не будут иметь правового значения для установления факта недобросовестности. Между тем даже между презумпцией недобросовестности ввиду установления конкретного факта и *доказанностью* недобросовестности имеется существенная разница.

В качестве одного из основных принципов ответственности директора в тексте постановления Пленума ВАС № 62 официально закреплена невозможность привлекать его к ответственности за убытки из-за одного только их наличия в период осуществления директором своих полномочий, поскольку убытки сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности (п. 1). Соответственно, возникает вопрос: не могут ли убытки быть оправданы рисковым характером предпринимательской деятельности, если директор даже в рамках нераскрытого конфликта интересов действовал в интересах общества и не выходил за пределы обычного предпринимательского риска?

Напомним, что обязанность соблюдать принцип лояльности (*duty of loyalty*), попытка заимствования которого имела место из англо-американского права, предполагает нацеленность на обеспечение интересов компании, что

не является идентичным исключению конфликта интересов.

Вызывает вопрос и соотношение в рамках пункта 2 постановления Пленума ВАС № 62 критерия недостоверности, заложенного в подпункте 1 данного пункта, с критерием, установленным в подпункте 5: в последнем фигурируют заведомо невыгодные условия сделки как показатель недобросовестности руководителя, а в первом случае (нераскрытый конфликт интересов) данное условие, стало быть, не является обязательным? Тем более, что сделка может, несмотря на наличие конфликта интересов, соответствовать положениям учредительных документов и решений органов юридического лица (об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т. п.), о которых также идет речь в названном постановлении при определении интересов юридического лица. На наш взгляд, логичнее было бы применять данные критерии в совокупности: именно заведомая невыгодность сделки должна определять недобросовестность; критерий нахождения в конфликте интересов не может являться самостоятельным.

По сути, возможность привлечения к ответственности за одно только нахождение в конфликте интересов предполагает наличие нормативно закрепленной обязанности директора избегать конфликта интересов, как это требуется по Закону о компаниях Великобритании. До тех пор пока позитивное законодательство ограничивается требованием сообщения информации о потенциальном или реальном конфликте интересов, нелогично считать недобросовестность директора доказанной на основании одного только факта нераскрытого конфликта интересов: такой факт может порождать презумпцию недобросовестности, но не ее доказанность.

Как подчеркивают некоторые ученые, анализирующие проблему сходства и различия в российском и зарубежном регулировании вопросов гражданско-правовой ответственности руководителей, в отличие от американского подхода, где, несмотря на нераскрытый конфликт интересов, директор может доказать «абсолютную честность» и выгоду условий сделки для общества, в России руководитель будет нести ответственность, если есть формальный конфликт интересов (нераскрытый), но при этом он не получил никакой финансовой выгоды, а сделка была заключена с полной информацией и на рыночных условиях, однако повлекла убытки [2, с. 126]. На сегодняшний момент приведенный зарубежный подход по-прежнему представляется более перспектив-

ным, обеспечивающим в большей степени баланс интересов самого директора и корпорации, которой он руководит, поскольку действия при наличии конфликта интересов и действия не в интересах компании – это разные понятия, что необходимо учитывать при определении признаков недобросовестности директора.

Разграничение противоправности и вины в составе правонарушения, совершаемого директором: правовое значение субъективных намерений директора

Включение субъективных характеристик в содержание (не)добросовестности директора является основной причиной затруднительности выделить в составе гражданского правонарушения, лежащего в основе привлечения его к ответственности, противоправность и вину как отдельные элементы. Вне всяких сомнений, нарушение требований разумности и добросовестности является актом противоправного поведения, т. е. недобросовестность в любом случае – характеристика противоправного поведения руководителя. Вместе с тем при анализе состава правонарушения, состоящего в причинении организации убытков вследствие нарушения обязанности действовать в ее интересах разумно и добросовестно, немаловажно принимать во внимание принцип *виновной* ответственности, закрепленный в статье 53.1 Гражданского кодекса РФ, статье 71 ФЗ «Об акционерных обществах», статье 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». На членов органов управления хозяйственных обществ не распространяется правило об ответственности независимо от вины, однако ответственность фактически именно такой и становится, если вина, как неотъемлемый элемент правонарушения, «теряется», сливаясь с противоправностью.

Немаловажным представляется уточнить, что к настоящему моменту вопрос об исключении субъективных компонентов (т. е. характеристик, связанных с отношением руководителя к своим действиям / бездействию) однозначно положительно не решен, о чем свидетельствует в первую очередь содержание подп. 5 п. 2 постановления Пленума ВАС № 62, согласно которому одним из показателей недобросовестности является заведомое знание ли обязанность знать о том, что сделка не соответствует интересам юридического лица. Разумеется, наличие данного критерия не означает непрременной необходимости исследования мотивов и намерений директора при совершении сделки, особенно учитывая, что заведомое знание является лишь одним из возможных показателей недоб-

росовестности. Более того, указанный критерий в значительной степени объективирован, поскольку подразумевает не столько собственно осознание убыточности сделки и тем более не намерение причинить убытки, а лишь наличие объективно доступных на момент совершения сделки фактов, свидетельствующих о ее невыгодности, игнорировать которые для руководителя недопустимо. Тем не менее в современной судебной практике, пусть и не столь частой, все же находим решения, исходящие из необходимости придавать правовое значение намерениям руководителя, привлекаемого к ответственности, и оценке им своих поступков в отношении общества. Так, в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 мая 2016 г. № Ф01-1597/2016 по делу № А11-1792/2015 суд установил, что заключение ООО ХК «МРГ-Инвест», осуществляющего управление ООО «Владимиртеплогаз», дополнительных соглашений к договорам аренды объектов теплоснабжения в части увеличения размера арендной платы «не противоречило разрешенной уставной деятельности Общества и установленным законом требованиям разумности и добросовестности»¹. Действия ответчика, таким образом, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска. В свою очередь, суд пояснил, что указание истцом на аффилированность ответчика с контрагентом по сделке ООО «ЭнергоСервис» «в отсутствие доказательств, что ООО ХК “МРГ-Инвест” действовало умышленно в сторону создания убытков Общества не означает какой-либо недобросовестности ООО ХК “МРГ-Инвест” при осуществлении полномочий по управлению Обществом».

Выводы суда показательны с точки зрения двух аспектов. Прежде всего нельзя не отметить непридание самостоятельного значения такому обстоятельству, как аффилированность, т. е. возможный конфликт интересов, при отсутствии иных обстоятельств, указывающих на недобросовестность директора. В свою очередь, важность для настоящего спора факта аффилированности отрицается именно в связи с тем, что не доказаны именно *намерения* генерального директора причинить обществу убытки.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17 ноября 2015 г. № Ф05-15759/2015 по делу № А40-186370/2013 исковые требования акционера к членам органов

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 мая 2016 г. № Ф01-1597/2016 по делу № А11-1792/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

управления открытого акционерного общества «Олимпийский комплекс “Лужники”» (генеральному директору и членам совета директоров общества) были мотивированы тем, что одобрение сделки по дарению городу Москве здания Большой спортивной арены и ее исполнение являлось нарушением обязанности действовать в интересах общества разумно и добросовестно¹. Согласно мнению истца, «сделка по дарению имущества априори является убыточной, поскольку не имеет встречного представления, а вследствие исполнения оспариваемой сделки общество утратило право собственности на крупный объект недвижимости, что повлекло уменьшение балансовой стоимости активов общества, как минимум на 31,19 %²». При этом в качестве обоснования неразумности действий совета директоров и генерального директора заявитель жалобы указывает на то, что указанные лица не предпринимали действия по получению информации о возможности реализации объекта на рынке по балансовой стоимости, а также не учли, что часть помещений в объекте сдавалась в аренду.

Суды пришли к выводу, что «представленные заявителем доказательства не свидетельствуют сами по себе о направленности действий совета директоров и генерального директора на причинение акционерному обществу убытков». В обоснование правомерности действий органов управления общества суд апелляционной инстанции указал, что «действия ответчиков при одобрении и заключении договора дарения обусловлены Федеральным законом от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ “О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и постановлением Правительства РФ от 20 июня 2013 г. № 518 “О Программе подготовки к проведению в 2018 году в Российской Федерации чемпионата мира по футболу”, согласно которому Большая спортивная арена “Лужники” включена в перечень объектов, подлежащих реконструкции для целей проведения Чемпионата и в соответствии с которыми необходимо произвести реконструкцию БСА за счет

бюджетного финансирования»³. В свою очередь, судом было отмечено, что доказательств наличия негативных последствий, в том числе, в виде невозможности осуществления уставной деятельности ОАО «ОК «Лужники» представлено не было.

Нельзя не отметить, что невозможность осуществления хозяйственным обществом деятельности не является ни в силу закона, ни в силу положений постановления Пленума ВАС № 62 обстоятельством, недоказанность которого напрямую свидетельствует об отсутствии убытков и препятствует привлечению директора к ответственности за неразумные и недобросовестные действия. По всей вероятности, если бы сделка по безвозмездному отчуждению объекта недвижимости не была связана с реализацией вышеуказанных специфических целей, едва ли аргументы о возможности продолжения обществом деятельности и недоказанности направленности действий непосредственно на причинение убытков были бы достаточными для обоснования добросовестности и разумности действий руководства хозяйствующего субъекта. Даже принимая во внимание указанные цели, приходится отметить, что сама по себе совокупность фактов, вменяемая истцу в качестве недоказанных, вызывает объективные сомнения с точки зрения физической возможности их доказать.

Подтверждением того служит воспроизведение данной позиции суда в решениях по аналогичным делам. Так, в качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 октября 2015 г. № Ф05-13936/2015 по делу № А41-4048/2015⁴. В данном деле рассматривался вопрос о привлечении к ответственности генерального директора ОАО «2463 ЦБПР» в связи с отчуждением транспортного средства, принадлежавшего обществу, по заниженной стоимости. В обоснование неоправданного занижения цены истец ссылается на данные из интернет-объявлений о средней рыночной стоимости транспортного средства с аналогичными характеристиками, а также на заключение организации, осуществляющей деятельность по покупке и продаже автомобилей. Более того, было указано на заинтересованность ответчика в совершении указанной сделки, поскольку он занимал должность единоличного исполнительного органа одновременно в ОАО «2463 ЦБПР» и в ОАО «Спецре-

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 нояб. 2015 г. № Ф05-15759/2015 по делу № А40-186370/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 июля 2015 г. № 09АП-27070/2015 по делу № А40-186370/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 окт. 2015 г. № Ф05-13936/2015 по делу № А41-4048/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

монт», являющегося аффилированным лицом по отношению к контрагенту по договору.

В удовлетворении требований было отказано на основании вывода о том, что «представленные заявителем доказательства не свидетельствуют сами по себе о направленности действий бывшего руководителя ОАО “2463 ЦБПР” на причинение акционерному обществу убытков». Более того, суд кассационной инстанции указал, что «доказательств, подтверждающих признание договоров недействительными по основаниям, предусмотренным ФЗ “Об акционерных обществах”, либо иных доказательств, которые бы свидетельствовали о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) бывшего руководителя ОАО “2463 ЦБПР”, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица, материалы дела не содержат». Разумеется, нельзя оставить без внимания и тот факт, что суд апелляционной инстанции, в свою очередь, указывает на недостаточность доказательств, свидетельствующих о заниженной цене сделки¹, однако сам по себе акцент на недоказанность противоправных намерений руководителя в совокупности с указанием на действительность сделки (что никак не подтверждает ее выгодность для общества) неизбежно свидетельствует о том, что в данной позиции изначально заложено требование к истцу представить доказательства в отношении не только действий руководителя, но и его целей, а по сути – субъективных стремлений.

В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 апреля 2015 г. № Ф01-766/2015 по делу № А43-10377/2014 содержится прямой вывод суда, что «данных о том, что директор действовал умышленно, в целях причинения убытков Обществу, истец не представил»². Таким образом, налицо проблема придания определяющего значения субъективным намерениям лица, привлекаемого к ответственности, с переложением бремени доказывания таких обстоятельств на тех, кто предъявляет требование о возмещении убытков. Безусловно, такой подход представляется недопустимым ввиду того, что доказать факты, напрямую связанные с личными стремлениями другого лица, в подавляющем большинстве случаев не является возможным.

¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25 июня 2015 г. № 10АП-4775/2015 по делу № А41-4048/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 апр. 2015 г. № Ф01-766/2015 по делу № А43-10377/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Истоки данной проблемы, по всей видимости, следует искать в исторически сложившейся двойственности понимания добросовестности – как извинительного незнания о каком-либо факте либо как положительной характеристики поведения, отвечающего определенным стандартам.

Само собой, принципиально важно отличать как таковое заведомое знание об убыточности совершаемой сделки от *намерения* причинить убытки обществу. Пренебрежения объективно доступными для принятия во внимание факторами либо их недооценки достаточно для квалификации поведения руководителя как противоправного. Таким образом, возлагать на истца (акционера или общество) обязанность представить доказательства противоправной цели, направленности, стремления причинить убытки в любом случае является проявлением чрезмерно широкого усмотрения и выходом за пределы круга обстоятельств, подлежащих обоснованию со стороны истца.

Отметим, что в законодательстве ряда европейских стран встречается указание на отрицательный характер намерений управляющего при решении вопроса о возможности привлечения его к ответственности. Так, например, параграф 31а раздела 2 «Юридические лица» Гражданского уложения Германии указывает, что члены правления, которые работают безвозмездно, либо получают за свою деятельность вознаграждение, не превышающее 720 евро в год, несут ответственность перед объединением только в том случае, если имеются умысел либо грубая неосторожность³. Согласно статье 754 Швейцарского обязательственного закона, члены административного совета и лица, занимающиеся управлением, несут ответственность, если они пренебрегали своими обязанностями умышленно или по неосторожности⁴.

Вопрос о соотношении норм обязательственного и корпоративного права при определении признаков состава правонарушения, выражающегося в недобросовестном поведении при осуществлении полномочий в отношении общества, должным образом не урегулирован на современном этапе правового регулирования в РФ. Учеными нередко указывается на теоретическую неразработанность понятий недобросовестности и виновности и переложение проблемы наполнения данных понятий содержанием

³ *Bürgerliches Gesetzbuch*. 18.08.1896. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴ *Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code*. 30.03.1911. URL: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19110009/201704010000/220.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).

на суды. Постановление Пленума ВАС № 62 не содержит упоминания о виновной ответственности директора вообще, несмотря на то, что данный принцип заложен в законе. Многолетняя судебная практика свидетельствует о наличии фактически сложившегося правила непроведения разграничения между недобросовестностью и виновностью, что не представляется удивительным, учитывая предельную расплывчатость обоих понятий и включение субъективных характеристик в каждое из них в бессистемном порядке.

Между тем проблема определения признаков виновности и их соотношение с характеристиками недобросовестности и неразумности руководителя является одной из ключевых при привлечении его к ответственности и, безусловно, требует поиска путей решения. Вина является важнейшим элементом, отсутствие которого исключает привлечение к ответственности. Более того, смешение вины и противоправности неизбежно отражается и на бремени доказывания элементов состава правонарушения незыблемого правила, согласно которому отсутствие вины в гражданском праве доказывается лицом, нарушившим обязательство, в то время как само нарушение доказывается пострадавшим лицом.

Понятие вины в гражданском праве, как известно, раскрывается посредством двух противоположных концепций, каждая из которых имеет в основании объективный или субъективный подход. «Поведенческая» концепция вины, применяемая в гражданско-правовых отношениях, в отличие от общеправовой «субъективистской» [10, с. 178; 5, с. 128] концепции предполагает отказ от использования психологических критериев при раскрытии понятия вины или же ограничение такого критерия только случаями умышленной вины. Так, согласно мнению Е. А. Суханова, «вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации. Иначе говоря, здесь вина переводится из области трудно доказуемых субъективно психических ощущений конкретного человека в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений, где их реальное поведение сопоставляется с определенным масштабом должного поведения. При этом речь не идет о некоем абстрактно понимаемом «заботливом хозяине» или «добросовестном коммерсанте», с теоретически мыслимым поведением которого сопоставляется поведение кон-

кретного лица в конкретной ситуации (как это требуется, например, во французском и германском гражданском и торговом праве). По смыслу нашего закона поведение конкретного лица должно сопоставляться с реальными обстоятельствами дела, в том числе с характером лежащих на нем обязанностей и условиями оборота и с вытекающими из них требованиями заботливости и осмотрительности, которые во всяком случае должен проявлять разумный и добросовестный участник оборота» [12, с. 222].

Для сравнения приведем пример нормативного закрепления такой интерпретации из зарубежного законодательства. Так, согласно корпоративному законодательству Австралии директора при ведении дел компании, по статье 180 Закона о корпорациях, должны руководствоваться своими полномочиями с должным вниманием и осмотрительностью, которые *любой разумный человек* проявил бы в похожей ситуации.

Итак, Гражданский кодекс РФ закрепляет понятие невиновности, в соответствии с которым надлежит формулировать определение вины как элемента состава гражданского правонарушения. Согласно пункту 1 статьи 401 ГК РФ, «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Не представляется удивительной затруднительность обоснования смыслового различия между понятиями «разумность и добросовестность» и «заботливость и осмотрительность», что нередко отмечается при анализе данной проблемы исследователями [9, с. 14]. Тенденция раскрытия понятий разумности и добросовестности через характеристики невиновности была заложена Высшим арбитражным судом РФ. В постановлении Высшего арбитражного суда РФ от 22 мая 2007 г. № 871/07 сформулирован следующий вывод: «Привлечение единоличного исполнительного органа к ответственности зависит от того, действовал ли он при исполнении своих обязанностей разумно и добросовестно, то есть проявил ли он заботливость и осмотрительность и принял ли все необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей. Единоличный исполнительный орган общества не может быть признан *виновным* в причинении обществу убытков, если он действовал в пределах разумного предпринимательского риска»¹. Данная формулировка стала в даль-

¹ Постановление Высшего Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 22 мая 2007 г. № 871/07 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нейшем активно заимствоваться арбитражными судами¹.

Нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица неизбежно является характеристикой противоправности, поскольку при соблюдении данной обязанности совершение сделки или принятие иного решения в отношении общества будет признано правомерным действием. Вместе с тем если данные обстоятельства установлены и отнесены к противоправности, то, как на первый взгляд представляется, не остается пространства для вины как отдельного элемента. Как отмечается учеными на современном этапе исследования данного вопроса, «в отношении членов органов управления добросовестность и разумность при исполнении возложенных на них обязанностей заключаются в принятии всех необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создана корпорация. Устанавливая неразумность, недобросовестность действий (бездействия) члена органа управления, совершение им действий в ущерб интересам общества, суды определяют виновность его поведения» [13, с. 83]. К данной точке зрения склоняются большинство исследователей: в юридической доктрине настойчиво проявляются признаки тенденции объединения вины и противоправности в единый элемент состава гражданского правонарушения, совершаемого лицом, осуществляющим управление обществом [8, с. 204; 4, с. 91–92; 7, с. 279]. Если при рассмотрении любого другого совершаемого руководителем нарушения обязанностей в отношении общества (например, нарушение требования об одобрении сделки, распространение конфиденциальной информации и т. п.) возможно выделить противоправность в отдельный элемент и отграничить его от вины, то в ситуации, когда противоправность исчерпывается неразумностью и недобросовестностью при совершении сделки, такое разграничение по названной выше причине может представляться искусственным.

Полагаем, что в силу специфики характера правонарушения, заключающегося в отступлении директора от требований добросовестности и разумности, прямое применение критериев невиновности, содержащихся в нормах обязательственного права, не является уместным

ввиду вышеизложенного. Отграничение противоправности от вины необходимо прежде всего в практических целях, для уравнивания правовых возможностей как самого руководителя, так и общества (его акционеров / участников), а также в целях обеспечения баланса интересов обеих сторон, совершенствования механизмов их защиты.

Невиновность в нарушении обязательства неизбежно отличается по содержанию от невиновности в нарушении обязанности действовать в интересах общества разумно и добросовестно ввиду того, что последняя обязанность сама по себе зиждется на оценочных категориях, носит длящийся характер и квалификация ее нарушения не является столь же «линейной», как квалификация нарушения обязанности должника в обязательстве. Само по себе неисполнение обязанности по договору (например, нарушение срока оплаты или поставки) не нуждается в дополнительной квалификации в качестве акта противоправного поведения: неисполнение или ненадлежащее исполнение неправомерно в принципе в силу положений статьи 309 ГК РФ, согласно которым обязательства должны исполняться надлежащим образом. В свою очередь, понятие невиновности охватывает обстоятельство неисполнения, должный уровень усердия должника, так или иначе, проявление заботливого отношения, выражающегося в объективных действиях. (Доказывание отсутствия негативных намерений в качестве невиновности не имеет значения для общества как для лица, потерпевшего убытки, поскольку в данной ситуации ему, как и кредитору в обязательстве, безразлично, желал ли причинитель убытков их причинить). Обращаясь же к обязанностям руководителя в рамках корпоративных отношений, мы видим, что перечисленные факторы играют роль преимущественно для оценки как раз факта исполнения им своей обязанности как таковой.

Напомним, что в позитивном значении добросовестность и разумность директора в совокупности заключаются в «*принятии им необходимых и достаточных мер* для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством» (п. 4 постановления Пленума ВАС № 62). Представляется очевидным, что «принятие необходимых и достаточных мер» по содержанию приблизительно и означает то самое проявление надлежащей степени заботливости и осмотрительности, чтобы обязательство было исполнено. Вместе с тем

¹ Постановление ФАС ВСО от 14 сент. 2012 г. по делу № А74-2820/2011 [Электронный ресурс]; постановление ФАС МО от 21 июля 2011 г. по делу № А40-48273/10-45-373 [Электронный ресурс]; постановление ФАС ПО от 2 апр. 2012 г. по делу № А12-13018/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

«принятие необходимых и достаточных мер», строго говоря, не означает в точности «приложения максимальных усилий» для исполнения возложенной обязанности. Иными словами, компонент старательности, усердия, получается, не включен в содержание обязанности как таковой. Возможно ли такое, что руководитель приложил все усилия и сделал максимально от него зависящее, но не достиг результата в виде принятия необходимых и достаточных мер для обеспечения благосостояния юридического лица? На наш взгляд, данный вопрос требует тщательной проработки, поскольку в настоящий момент отсутствует определенность, оценивается ли характер действий руководителя или их конечный результат. Возможность руководителя повлиять на этот результат вполне может характеризовать его вину или невиновность.

В свою очередь, наличие или, во всяком случае, степень вины может определяться степенью реального участия в принятии решения: если единоличный исполнительный орган фактически лишь исполняет принятое без учета его мнения решение коллегиальным органом, имеет смысл задаться вопросом, мог ли он поступить иначе, учитывая императивно закрепленную законом подотчетность исполнительного органа общему собранию и совету директоров. В рамках действующего регулирования для разрешения таких ситуаций предусмотрена только солидарная ответственность всех членов органов управления, причастных к принятию и исполнению решения (п. 7 постановления Пленума ВАС № 62). Однако на практике в значительно большем количестве случаев именно единоличный исполнительный орган оказывается «крайней» фигурой, а сама по себе заложенная возможность солидарного привлечения членов коллегиального органа не снимает с него негативных последствий исполнения решения данного органа. В свою очередь, неисполнение такого решения также будет иметь для генерального директора отрицательные последствия, но иного характера.

Ввиду вышеизложенного считаем, что вопрос об условиях возложения гражданско-правовой ответственности органов управления хозяйственных обществ в данной ситуации урегулирован на сегодняшний момент недостаточно полно. Более чем разумным было бы обеспечить на нормативном уровне учет потенциального многообразия вариантов корпоративной «обстановки» в конкретной корпорации на определенный момент в форме правила, ставящего в зависимость вину единоличного исполнительного органа от его роли в принятии решения, повлекшего убытки.

Немаловажно принимать во внимание возможность образования в корпорации нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга, а также предоставления полномочий единоличного исполнительного органа нескольким лицам, действующим совместно (п. 3 ст. 65.3, п. 1 ст. 53 ГК РФ). Безусловно, подобные варианты единоличного исполнительного органа могут повлечь определенные проблемы на практике. Если используется модель, где каждый единоличный исполнительный орган действует независимо от другого, то возникает вопрос правильного распределения компетенции между ними, для того чтобы определять круг ответственности каждого из них. Когда же в составе единоличного исполнительного органа есть несколько лиц, действующих совместно, для того чтобы заключить сделку, необходимы подписи всех лиц, входящих в единоличный исполнительный орган. Но что делать, если, к примеру, один из членов органа отказывается подписывать? Можно ли будет его привлечь к ответственности за бездействие? Либо же в данной формулировке законодатель в первую очередь имел в виду, что при совместных действиях директора должны согласовывать сделки, дабы исключить взаимоисключающие сделки, что опять же повлечет ряд обязанностей членов единоличного исполнительного органа перед обществом. Отметим, что совместное ведение дел известно и зарубежным правовым порядкам. Так, например, согласно параграфу 77 Закона об акционерных обществах Германии, по общему правилу, правление, состоящее из нескольких лиц, ведет дела только совместно. При этом отмечается, что при возникновении разногласий между членами правления не может быть установлено правило, что один или несколько членов данного органа принимают решение вопреки воле большинства.

Отметим еще один нюанс, связанный с вышеупомянутой конструкцией. Возможность введения в заблуждения в противоправных целях также не может не влиять на определение степени вины лица, могущего оказаться в условиях искусственно созданной дезинформации. В случае если лицо, обладающее всем объемом полномочий единоличного исполнительного органа и доступом к любой информации об организации, допускает злоупотребление и намеренно совершает неправомерные действия, делающие сделку, заключаемую другим уполномоченным лицом, невыгодной для данной организации, степень вины каждого из них должна, на наш взгляд, учитываться.

Вместе с тем хотелось бы уточнить: если противоправность универсальна с точки зрения

внешних характеристик нарушения обязанности (в том числе обязанности действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно) и не зависит от того, кто выступает в качестве субъекта – носителя такой обязанности, то в вопросе вины гражданско-правовой статус данного лица может иметь значение. В соответствии с действующими нормами гражданского законодательства, в качестве единоличного исполнительного органа может выступать и юридическое лицо (п. 3 ст. 65.3 ГК РФ). Полагаем, соответственно, что и подход к содержанию понятия вины единоличного исполнительного органа не может быть универсальным, критерии должны разрабатываться отдельно для обеих категорий руководителей. При этом перечень возможных извиняющих обстоятельств требует закрепления если не в законе, то, во всяком случае, на уровне разъяснений в соответствующем постановлении высших судебных органов. Если данный пробел не будет восполнен должным образом, невозможно будет говорить о реальном построении ответственности управляющих на принципе вины.

Ответственность членов коллегиальных органов: особенности квалификации противоправного поведения

Значительный интерес представляют особенности ответственности лиц, являющихся членами коллегиальных органов хозяйственного общества, в первую очередь – конкретизация основания их ответственности.

Судебная практика по привлечению к ответственности членов совета директоров в Российской Федерации отличается неразвитостью. Этому способствует ряд объективных причин, таких как недостаточная эффективность рецепции норм англо-американского и германского права в симбиозе, смешанный статус совета директоров, сочетающий в себе функции как контроля, так и управления, а также неурегулированность на нормативном уровне вопроса об основаниях ответственности отдельно взятого директора, входящего в состав наблюдательного совета, т. е. не принимающего решения от имени общества самостоятельно. Если при рассмотрении предыдущего вопроса о соотношении полномочий директоров, составляющих единоличный исполнительный орган, в рамках которого возможно совместное или раздельное осуществление полномочий, то для совета директоров установка принципиально иная: все решения принимаются исключительно большинством голосов, индивидуальными полномочиями вне заседаний органа ни один директор не обладает.

Ученые справедливо утверждают, что одной из ключевых причин редкой судебной практики по возмещению убытков со стороны руководителей общества является «отсутствие конкретных и персонифицированных обязанностей» [16, с. 25] данных лиц (хотя следует отметить, что в отечественной правовой доктрине предпринимаются попытки разработки конкретных прав и обязанностей членов совета директоров [15, с. 11–13]). Нормативные предписания об обязанности членов коллегиальных органов наряду с единоличным исполнительным органом действовать в отношении организации разумно и добросовестно и об ответственности в случае виновного нарушения данного требования на протяжении всего своего существования были унифицированными. Норм об отдельных особенностях, характеризующих требования к поведению лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа (руководителя) юридического лица и лиц, являющихся членами коллегиальных органов, равно как и диверсифицированных оснований для привлечения их к ответственности, российское законодательство никогда не содержало. Именно это, возможно, является одной из причин, почему практика привлечения к гражданско-правовой ответственности членов коллегиального органа фактически отсутствует.

Несмотря на то, что на протяжении всего времени существования статьи 71 ФЗ «Об акционерных обществах» и статьи 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» они упоминаются как субъекты ответственности наряду с единоличным органом и в равной степени с ним, привлечь к ответственности отдельного члена коллегиального органа весьма затруднительно. В первую очередь очевидно, что лицо, занимающее должность, в частности, в совете директоров не выступает от имени общества в хозяйственном обороте, по общему правилу не обладает представительскими полномочиями в отношении общества и не может от его имени, например, заключить договор. Таким образом, сама по себе связь любых действий такого лица с возникновением у хозяйственного общества убытков едва ли будет лежать на поверхности. Между тем члены совета директоров, являющегося стратегическим волеобразующим органом корпорации, как правило, имеют значительные возможности по оказанию влияния на финансовое состояние общества и решения, формально принимаемые, в том числе, единоличным исполнительным органом.

Как отмечает Д. И. Текутьев, противоправность поведения членов коллегиальных органов управления «проявляется в виде особого вида

действия – голосования по вопросам повестки дня заседания» [13, с. 80]. Автор указывает, что возможность привлечения к ответственности отдельного члена совета директоров за бездействие (такое, как несообщение необходимой информации) «представляется допустимым лишь теоретически – доказать на практике, что член совета директоров располагал определенными сведениями, но не сообщил их другим, практически невозможно» [13, с. 80]. Развивая авторскую мысль, хотелось бы отметить, что если все же на теоретическом уровне допустить такую возможность, то правонарушение со стороны члена совета директоров может выражаться не только в несообщении важной для принятия решения информации, но также и в намеренном введении в заблуждение остальных членов совета директоров относительно обстоятельств, значимых для принятия такого решения. Следует отметить, что автор допускает возможность принятия советом директоров неинформированного решения в результате предоставления недостоверных сведений исполнительными органами и предлагает считать данное обстоятельство основанием для освобождения от ответственности директоров в случае, если, «действуя с должной степенью заботливости и осмотрительности, они не могли установить факт наличия в представленных им материалах недостоверных данных» [13, с. 80]. Однако таким лжеинформатором (или информаторами) могут быть один или же несколько членов самого совета директоров.

Таким образом, противоправное поведение, влекущее в результате убытки для общества, может выражаться не только в голосовании в составе органа. Более того, возможно и оказание индивидуального влияния, например, на генерального директора общества, поспособствование совершению им действий в ущерб интересам общества в собственных корыстных целях. Недобросовестное поведение директора имеет слишком широкий диапазон проявлений, в связи с чем, представляется, что с уверенностью сузить круг оснований ответственности для лица, входящего в состав коллегиального органа, до голосования нельзя. Разработка этих оснований и механизмов их доказывания – это уже следующий вопрос, однако сложность установления какого-либо факта никак не может являться основанием для отказа в признании возможности такого факта и его правовых последствий на нормативном уровне.

Возвращаясь к вопросу об ответственности за голосование на заседании совета директоров, напомним, что, согласно абз. 3 п. 2 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах», не несут от-

ветственности члены коллегиальных органов управления, голосовавшие против решения, которое повлекло причинение обществу убытков, или не принимавшие участия в голосовании. Пункт 7 постановления Пленума ВАС № 62 воспроизводит данное положение с одним уточнением: директор не принимал участия в голосовании, *действуя добросовестно*. Таким образом, налицо попытка не допустить освобождения члена коллегиального органа от ответственности по причине его уклонения от непосредственного участия в принятии решения (учитывая, что при этом такой директор мог активно способствовать его принятию и «неофициально» быть за). Однако правило о добросовестном неучастии в голосовании останется декларативным до тех пор, пока данное понятие не будет раскрыто. На наш взгляд, негативный опыт существования оценочных понятий в нераскрытом виде и невозможность их применения ввиду этого и так достаточно велик, поэтому ценность данного уточнения без раскрытия обстоятельств, свидетельствующих о добросовестности директора, не участвующего в голосовании, весьма незначительна.

Кроме того, при так называемой «персонализации» ответственности каждого из членов коллегиального органа могут возникнуть следующие вопросы: можно ли освободить от ответственности члена коллегиального органа, если он голосовал против решения, которое в конечном счете привело к убыткам, но, тем не менее, в дальнейшем способствовал его реализации? Или же, наоборот, проголосовав за, он пытался приложить усилия, чтобы нивелировать масштаб убытков или снизить их до несущественного размера?

Полагаем, роль конкретного члена совета директоров, привлекаемого к ответственности, должна быть установлена от начала и до конца; только правильно оценив степень влияния каждого лица на принятие и исполнение решения, можно говорить о корректном установлении состава ответственных лиц.

Таким образом, институт гражданско-правовой ответственности членов коллегиальных органов управления нуждается в последовательном развитии. Не следует недооценивать отдельные аспекты правового регулирования деятельности каждого органа и пределов правовых и фактических возможностей каждого члена коллегиального органа. В связи с этим представляется целесообразным разработать отдельную главу, посвященную обязанностям и особенностям ответственности именно членов коллегиального органа хозяйственных обществ, поскольку практика давно выявила несостоя-

тельность унифицированных правил как для единоличного исполнительного органа, так и для членов совета директоров.

Заключение

В результате проведенного исследования обнаружены следующие проблемные вопросы, требующие решения: недостаточная проработанность понятия «интерес компании»; искусственное разделение характеристик недобросовестности и неразумности в совокупности с отсутствием надлежащего содержательного наполнения понятий добросовестности и разумности «в позитиве»; смешение понятий противоправности и вины; отсутствие конкретно указанных обязанностей членов органов управления; отсутствие установлений в части особенностей привлечения к ответственности единоличного исполнительного органа и членов коллегиальных органов; отсутствие квалифицированных требований к членам органов управления.

Как было установлено, при определении интереса компании затруднительно учитывать интересы всех заинтересованных групп, несмотря на то, что это позволило бы обеспечить долгосрочный успех корпорации. Причина смешения понятий противоправности и вины кроется в выделении субъективных и объективных характеристик в обеих категориях. Изначально в категорию вины заложен поиск умысла или неосторожности, что также подтверждается зарубежным законодательством. Проблема определения содержания противоправности возникает ввиду искусственного разделения добросовестности и разумности, при этом подразумеваемая обязанность заботливости / старательности размывается между этими двумя понятиями, в то время как обязанность действовать в интересах общества вовсе не получила полноценной регламентации и по сути упоминается в исключительно декларативном порядке. Также выявлено, что наличие субъективных параметров в случае привлечения к ответственности членов органов управления, даже после принятия постановления Пленума ВАС № 62, фактически имеет место, что создает ложное впечатление о необходимости для истца доказывать само намерение директора причинить убытки. Отсутствие понимания вышеобозначенных факторов приводит к замешательству при установлении меры бремена доказывания между истцом и ответчиком. Пресечь необоснованное выдвижение судами требования по доказыванию мотивов руководителя возможно только на основе четких позитивных правил.

Исключительно важны: тщательная регламентация обязанностей членов органов управ-

ления (по крайней мере, на уровне устава хозяйственного общества и ее внутренних документов); локальное нормотворчество в данной сфере, поскольку только на локальном уровне возможен полный учет реальных интересов хозяйственных обществ и корпоративной «обстановки», взаимоотношений между органами управления и участниками. Решение вышеуказанных проблем возможно только на основе закона и разъяснений высших судебных инстанций.

Библиографический список

1. *Богданов А. В., Клячин А. А.* Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2012. Вып. 3. С. 62–72.
2. *Бойко Т. С., Буркатовский А. А.* Критерии ответственности членов органов управления хозяйственных обществ в свете готовящихся изменений в корпоративное законодательство и зарубежного опыта // *Закон.* 2011. № 5. С. 109–127.
3. *Дедов Д. И.* Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.
4. *Емельянов В. И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. 160 с.
5. *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
6. *Карташов М. А.* Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. 201 с.
7. *Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный)* / С. М. Айзин, О. М. Оглоблина, С. В. Соловьева и др.; под ред. М. Ю. Тихомирова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Из-во Тихомирова М. Ю., 2007. 479 с.
8. *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 421 с.
9. *Маковская А. А.* Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки. // *Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова.* М.: Статут, 2006. С. 329–371.
10. *Матвеев Г. К.* Вина в советском гражданском праве / отв. ред. К. П. Николаев. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. 307 с.

11. *Молотников А. Е.* Ответственность в акционерных обществах. М.: Волтерс Клувер, 2006. 230 с.
12. *Российское гражданское право: учебник; в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов.* 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. Т. 1. 958 с.
13. *Текутьев Д. И.* Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М.: Статут, 2017. 176 с.
14. *Тычинская Е. В.* Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2012. 175 с.
15. *Филиппова Е. В.* Гражданско-правовая ответственность членов совета директоров акционерного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.
16. *Чантурия Л.* Гражданско-правовая ответственность руководителей акционерных обществ // Корпоративный юрист. 2007. № 2. С. 25–31.
17. *Vaums T.* Personal Liabilities of Company Directors in German Law // International Company and Commercial Law Review. 1996. № 7. URL: <http://www.jura.uni-frankfurt.de/43029388/paper35.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).
18. *Enriques L.* The Law on Company Directors' Self-Dealing; A Comparative Analysis // International And Comparative Corporate Law Journal. 2000. Vol. 2, № 3. P. 297–333. DOI: 10.2139/SSRN.135674.
19. *Leader S.* "Private Property and Corporate Governance Part 1: Defining Interests" in F. Patfield (ed.) // Perspectives on Company Law: 1. Kluwer Law International, 1995. Pp. 85–113.
20. *Madisson K.* Duties and Liabilities of Company Directors under German and Estonian Law: a Comparative Analysis // RGSL Research Papers. 2012. № 7. URL: http://rgsl.edu.lv/uploads/files/7_Karin_Madisson_final.pdf (дата обращения: 17.01.2018).
21. *Mitchell R., O'Donnell A., Ramsay I.* "Shareholder Value and Employee Interests: Intersections of Corporate Governance, Corporate Law and Labor Law" // Wisconsin International Law Journal. 2005. Vol. 23. Pp. 417–476.
22. *Paul L. Davies.* The Board of Directors: Composition, Structure, Duties and Powers. Company Law Reform in OECD Countries // A Comparative Outlook of Current trends. Stockholm, Sweden. 7–8 December 2000. URL: <http://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceprinciples/1857291.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).
23. *Radin S. A.* The Business Judgment Rule. Fiduciary Duties of Corporate Directors. New York: Wolters Kluwer, 2009. 6112 p.
24. *Roth / Altmeyden.* GmbHG. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). Kommentar. 6. Auflage. München, 2009. URL: [https://beck-online.beck.de/?vpath=bibdata%](https://beck-online.beck.de/?vpath=bibdata%20) (дата обращения: 17.01.2018).
25. *Sealy L. S.* Directors' "Wider" Responsibilities – Problems Conceptual, Practical and Procedural // 13 Monash University Law Review. 1987. Pp. 164–187.
26. *Sealy L. S.* The director as trustee // The Cambridge Law Journal. 1967. Vol. 25, Issue 1. Pp. 88–103.
27. *Shelly D. Marshall, Ian Ramsay.* Stakeholders and Directors' Duties: Law, Theory and Evidence // University of Melbourne Legal Studies research. 2009. May 12. Paper № 411. P. 8–54. URL: <http://ssrn.com> (дата обращения: 17.01.2018). DOI <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1402143>.
28. *Sieg O.* Directors' Liability and Indemnification. A Global Guide, 3rd Edition / Globe Law and Business Ltd., 2016. 626 p. URL: https://redcliffe-partners.com/assets/Directors%C2%B9%20Liability%20and%20Indemnification%203_Ukraine.pdf (дата обращения: 17.01.2018).
29. *Torwegge Ch.* Treue- und Sorgfaltspflichten im englischen und deutschen Gesellschaftsrecht. Wiesbaden, 2009. 299 s. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-8349-8204-9>.
30. *United Kingdom Corporate Governance 2017.* URL: <https://iclg.com/practice-areas/corporate-governance/corporate-governance-2017/united-kingdom> (дата обращения: 17.01.2018).
31. *U. S. Corporate Law Materials.* Presentation Materials and Selected Statute and Case Law Excerpts. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/8B4729A66A4574D8B652815751AC0A68_U_SRF (дата обращения: 17.01.2018).

References

1. *Bogdanov A. V., Klyachin A. A.* *Usloviya i osnovaniya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti litsa, osushchestvlyayushchego funktsii edinolichnogo ispolnitel'nogo organa aktsionernogo obshchestva* [Conditions and Reasons for the Civil and Legal Liability of the Person Having Sole Functions of the Stock Company Executive Body]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2012. Issue 3. Pp. 62–72. (In Russ.).
2. *Boyko T. S., Burkatovskiy A. A.* *Kriterii otvetstvennosti chlenov organov upravleniya*

- khozyaystvennykh obshchestv v svete gotovyashchikhsya izmeneniy v korporativnoe zakonodatel'stvo i zarubezhnogo opyta* [Criteria of Responsibility of Members of Management Bodies of Business Entities in the Light of Upcoming Changes in Corporate Legislation and Foreign Experience]. *Zakon – ZAKON*. 2011. Issue 5. Pp. 109–127. (In Russ.).
3. *Dedov D. I. Konflikt interesov* [Conflict of Interest]. Moscow, 2004. 272 p. (In Russ.).
 4. *Emel'yanov V. I. Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami* [Reasonableness, Good Faith, Non-Abuse of Civil Rights]. Moscow, 2002. 160 p. (In Russ.).
 5. *Ioffe O. S. Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow, 1975. 880 p. (In Russ.).
 6. *Kartashov M. A. Otvetstvennost' edinolichnogo ispolnitel'nogo organa obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu po zakonodatel'stvu Rossii i Germanii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Responsibility of the Sole Executive Body of a Limited Liability Company under the Laws of Russia and Germany: Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2014. 201 p. (In Russ.).
 7. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu" (postateynnyy); S. M. Ayzin, O. M. Ogloblina, S. V. Solov'yeva i dr.; pod red. M. Yu. Tikhomirova. 4-e izd.* [Commentary to the Federal Law "On Limited Liability Companies" (article by article); S. M. Ayzin, O. M. Ogloblina, S. V. Solovieva et al.; ed. by M. Y. Tikhomirov. 4th ed.]. Moscow, 2007. 479 p. (In Russ.).
 8. *Luk'yanenko M. F. Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost, dobrosovestnost', sushchestvennost'* [Evaluative Concepts of Civil Law: Reasonableness, Good Faith, Materiality]. Moscow, 2010. 421 p. (In Russ.).
 9. *Makovskaya A. A. Osnovanie i razmer otvetstvennosti rukovoditeley aktsionernogo obshchestva za prichinennye obshchestvu ubytki* [The Basis and Amount of Liability of a Joint-Stock Company Managers for Losses Caused to the Company]. *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya: Sbornik statey; otv. red. M. A. Rozhkova* [Losses and Practice of Indemnification: Collection of Articles; ed. by M. A. Rozhkova]. Moscow, 2006. Pp. 329–371. (In Russ.).
 10. *Matveev G. K. Vina v sovetskom grazhdanskom prave; otv. red. K. P. Nikolaev* [Guilt in the Soviet Civil Law; ed by. K. P. Nikolaev]. Kiev, 1955. 307 p. (In Russ.).
 11. *Molotnikov A. E. Otvetstvennost' v aktsionernykh obshchestvakh* [Liability in Joint-Stock Companies]. Moscow, 2006. 230 p. (In Russ.).
 12. *Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t.; V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova i dr.; otv. red. E. A. Sukhanov. 2-e izd., stereotip.* [Russian Civil Law: Textbook: in 2 vols.; V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova et al.; ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype]. Vol. 1. Moscow, 2011. 958 p. (In Russ.).
 13. *Tekut'ev D. I. Pravovoy mekhanizm povyshe-niya effektivnosti deyatel'nosti chlenov organov upravleniya korporatsii* [Legal Mechanism of Increasing Efficiency of Activity of the Members of Corporation Management Bodies]. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.).
 14. *Tychinskaya E. V. Dogovor o realizatsii funktsiy edinolichnogo ispolnitel'nogo organa khozyaystvennogo obshchestva; pod red. L. Yu Mikheevoy* [Agreement on the Implementation of the Functions of the Sole Executive Body of the Business Entity; ed. by L. Y. Mikheeva]. Moscow, 2012. 175 p. (In Russ.).
 15. *Filippova E. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' chlenov soveta direktorov aktsionernogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil Liability of Members of the Board of Directors of a Joint-Stock Company: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 26 p. (In Russ.).
 16. *Chanturiya L. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' rukovoditeley aktsionernykh obshchestv* [Civil Liability of Joint-Stock Companies' Heads]. *Korporativnyy yurist – Corporate Lawyer*. 2007. Issue 2. Pp. 25–31. (In Russ.).
 17. *Baums T. Personal Liabilities of Company Directors in German Law. International Company and Commercial Law Review*. 1996. No. 7. Pp. 318–324. Available at: <http://www.jura.uni-frankfurt.de/43029388/paper35.pdf> (accessed 17.01.2018). (In Eng.).
 18. *Enriques L. The Law on Company Directors' Self-Dealing: A Comparative Analysis. International and Comparative Corporate Law Journal*. 2000. Vol. 2. No. 3. Pp. 297–333. DOI: 10.2139/SSRN.135674. (In Eng.).
 19. *Leader S. 'Private Property and Corporate Governance. Part 1: Defining Interests'. In: F. Patfield (ed.). Perspectives on Company Law: 1. Kluwer Law International, 1995. Pp. 85–113. (In Eng.).*
 20. *Madisson K. Duties and Liabilities of Company Directors under German and Estonian Law: a Comparative Analysis. RGSL Research Papers*. 2012. No. 7. P. 18. Available at: http://rgsl.edu.lv/uploads/files/7_Karin_Madisson_final.pdf (accessed 17.01.2018). (In Eng.).
 21. *Mitchell R., O'Donnell A., Ramsay I. Shareholder Value and Employee Interests: Intersections of Corporate Governance, Corporate Law*

- and Labor Law. *Wisconsin International Law Journal*. 2005. Vol. 23. Pp. 417–476. (In Eng.).
22. Paul L. Davies. The Board of Directors: Composition, Structure, Duties and Powers. Company Law Reform in OECD Countries. A Comparative Outlook of Current Trends. Stockholm, Sweden. 7–8 December 2000. Available at: <http://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceprinciples/1857291.pdf> (accessed 17.01.2018). (In Eng.).
 23. Radin S. A. The Business Judgment Rule. Fiduciary Duties of Corporate Directors. New York, 2009. 6112 p. (In Eng.).
 24. Roth G. H., Altmeyden H. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). Kommentar. 6th ed. Munich, 2009. Available at: [https://beck-online.beck.de/?vpath=bibdata%](https://beck-online.beck.de/?vpath=bibdata%20) (accessed 17.01.2018). (In Germ.).
 25. Sealy L. S. ‘Directors’ “Wider” Responsibilities – Problems Conceptual, Practical and Procedural’. *Monash University Law Review*. 1987. Issue 13. Pp. 164–187. (In Eng.).
 26. Sealy L. S. The Director as Trustee. *The Cambridge Law Journal*. 1967. Vol. 25. Issue 1. Pp. 88–103. (In Eng.).
 27. Shelly D. Marshall, Ian Ramsay. Stakeholders and Directors’ Duties: Law, Theory and Evidence. *University of Melbourne Legal Studies Research*. Paper No. 411. May 12, 2009. Pp. 8–54. Social Science Research Network. Available at: <http://ssrn.com> (accessed 17.01.2018). DOI <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1402143>. (In Eng.).
 28. Sieg O. Directors’ Liability and Indemnification. A Global Guide, Third Edition. Globe Law and Business Ltd., 2016. 626 p. Available at: https://redcliffe-partners.com/assets/Directors%20Liability%20and%20Indemnification%203_Ukraine.pdf (accessed 17.01.2018). (In Eng.).
 29. Torwegge Ch. Treue- und Sorgfaltspflichten im englischen und deutschen Gesellschaftsrecht. Wiesbaden, 2009. 299 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-8349-8204-9>. (In Germ.).
 30. United Kingdom Corporate Governance 2017. Available at: <https://iclg.com/practice-areas/corporate-governance/corporate-governance-2017/united-kingdom> (accessed 17.01.2018). (In Eng.).
 31. U. S. Corporate Law Materials. Presentation Materials and Selected Statute and Case Law Excerpts. Available at: http://www.arbitr.ru/_upimg/8B4729A66A4574D8B652815751AC0A68_USRF (accessed 17.01.2018). (In Eng.).